

Марина
СЕРОВА

**Трамвай
идет
в депо**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова

Трамвай идет в депо

Серия «Русский бестселлер»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68359747
Трамвай идет в депо: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-176544-6

Аннотация

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время – сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

Частный детектив Татьяна Иванова оказалась в очень непростой ситуации: ей нужно за пару дней до Нового года найти пропавшего бизнесмена Олега Одинцова и его семью. В полиции никто не верит, что с Одинцовым что-то случилось. Тот пишет эсэмэски, отдает приказания своим подчиненным, но мать бизнесмена встревожилась, потому что около двух недель никто из семьи сына не выходит с ней на связь, в загородном доме их тоже нет. Татьяна подозревает, что владельцу крупного бизнеса

грозит опасность, так как на дело всей его жизни нацелены конкуренты.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Марина Серова

Трамвай идет в депо

© Серова М.С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

24 декабря

Снега было слишком много.

Нескончаемая метель накрыла город белым покрывалом и похоронила для большинства горожан надежды быстро добраться до дома. Где-то было тепло, а на столе ждал горячий ужин. Но большая часть работающего населения Тарасова уже как два часа сидела в машинах и троллейбусах, глядя с завистью на светящиеся в темноте окна квартир, хозяевам которых посчастливилось к этому моменту оказаться в тепле домашних стен.

В пять часов вечера ситуация перешла в разряд катастрофических. Снегоуборочная техника не справлялась. Мэрия выгнала на улицы все машины, которые были в наличии, но автомобильный поток наглухо встал, скованный пробками, словно вековым льдом.

Я, к сожалению, тоже еще была в пути. Моя машина почти уперлась капотом в зад автобуса номер девятнадцать и медленно ползла за ним в плотном потоке по одной из центральных улиц по направлению к дому.

Страшно хотелось трех вещей: кофе (разумеется!), поспать и придумать для городского транспорта новую расцветку. Ярко-оранжевый корпус автобуса невероятно раздражал. Возможно, этот жизнерадостный цвет был призван

вызывать позитивные мысли у горожан, но явно не тогда, когда ты полчаса вынужденно пялишься на апельсиновую глыбу, периодически обдающую твою машину черным облачком несгоревшей солярки.

Я пыталась убедить себя не расстраиваться.

«Будь мудрее, Иванова. Найди в себе силы принять то, что не можешь изменить: зиму, предновогодние пробки, нечищенные дороги и этот оранжевый автобус, по периметру которого идет не менее раздражающая надпись: «Скидки! Скидки! Скидки!»

С тех пор, как муниципальный автопарк решил продавать борта автобусов рекламодателям, на тебя со все сторон прыгали эти «Нереальные скидки!» и «Сантехника по разумным ценам».

Я вздохнула и закрыла глаза.

Метель усилилась. Дворники на лобовых стеклах заработали с удвоенной скоростью. В тот момент, когда я уже хотела поставить машину на обочине и пойти домой пешком, телефонный звонок отвлек меня от грустных мыслей.

– Слушаю, – устало проворчала я в трубку.

– Добрый вечер, – послышался интеллигентный женский голос, очень мягкий и вкрадчивый, как будто его хозяйка заранее боялась меня обидеть неуместным вызовом. – Могу я услышать Татьяну Александровну Иванову?

– Можете, – ответила я, поерзав на месте. Пятая точка от долгого сидения онемела, и я почти перестала ее чувство-

вать. – Слушаю вас.

– Меня зовут Мария Павловна Одинцова. Мне, кажется, нужна ваша помощь.

– Кажется? – удивленно переспросила я. – Обычно клиенты более уверены в том, что им требуются мои услуги.

– Понимаете, – женщина на том конце замялась, – я не вполне уверена, что случилось что-то плохое, но проверить просто обязана. Скажите, вы свободны сейчас?

– Прямо сейчас? – испугалась я. – Прямо сейчас я еду домой.

– Нет, нет, что вы! Я имела в виду, в текущий момент у вас есть время и возможность заняться моим делом?

Я мысленно пролистала свой ежедневник. В принципе, нужды в этом не было: перед Новым годом я старалась закрыть все дела, чтобы встретить праздник – один из немногих, которые по-настоящему ценила, – в спокойной обстановке.

Дело о пропавшем ожерелье в семье бизнесмена Кропоткина было, считай, завершено – осталось только сообщить жене, что ее муж оказался геем и подарил фамильную драгоценность своему любовнику.

Других заказов пока не было, но я и не стремилась их брать, решив провести предстоящие праздники в кругу друзей и, может быть, съездить в столицу на шопинг.

– Я не сильно занята, но праздники впереди, сами понимаете, – наконец сказала я.

– Пожалуйста. Найдите время встретиться со мной, – взмолилась женщина. По голосу я поняла, что она была в возрасте. – Может, я и надумала себе что-то. Но не могу спокойно спать, пока не удостоверюсь в том, что с сыном все в порядке.

– С сыном? – машинально переспросила я, сама не замечая, как уже погружаюсь в неизвестную мне историю.

– Да. У меня сын пропал. Или не пропал... Я не знаю и совершенно сбита с толку. В полиции сказали, причин для беспокойства пока нет, но я же мать...

– Хорошо, – ответила я, поскольку все уже решила, – я смогу встретиться с вами завтра. Первая половина дня вас устроит?

Мы договорились о встрече, и я, завершив разговор, бросила телефон на соседнее сиденье. Беседа обещала быть необременительной. Скорее всего, старушка что-то себе надумала и для успокоения нервов решила со мной поговорить. Вряд ли этот разговор выльется во что-то серьезное, но оставить бедную женщину наедине с ее тревогой я просто не могла.

Протяжный гудок вывел меня из размышлений – ряд машин продвинулся вперед, а я, задумавшись, застыла на месте, о чем нетерпеливый автомобилист сзади не преминул напомнить. Я подтянулась, моргнула обиженке аварийкой и включила радио. Заиграла веселая зарубежная песенка о Рождестве.

– It's a most wonderful time of the year!

Настроение немного улучшилось. В конце концов, скоро Новый год – сказала я себе. Что плохого может случиться в канун такого теплого и светлого праздника?

Оказалось, много чего...

* * *

Двумя неделями ранее...

Темнота съедала пространство. Темнота была повсюду. Он слышал глухое, хриплое дыхание жены рядом. Она уже успокоилась и перестала надрывно рыдать. Возможно, этому поспособствовал сильный удар по лицу, которым ее наградили минут двадцать назад. Она стихла и заплакала, а он из своего угла шептал ей ненужные, бессильные слова утешения.

Как это низко! Как это отвратительно!

Сейчас, когда они наконец остались одни, у него было время все осмыслить и успокоиться. Но еще полчаса назад все, о чем он мог думать – это о том, чтобы остаться в живых. И о том, чтобы эти нелюди пощадили его семью.

Глаза понемногу начинали привыкать к темноте. Проступили очертания мебели: крупная массивная спина старинного шкафа, скелеты стульев у стола, витая рама зеркала.

Дочь тоже сидела рядом на одном из кресел. Похитителям хватило мозгов дать ребенку шерстяной плед. Он видел белеющие в сумраке колготки Лады и светлое брендовое платьице, которое ей купили всего три дня назад.

Он позвал ее, и она откликнулась тихим голосом, севишим от страха.

Руки всем троим связали спереди.

Скоро все кончится. Он увезет семью в Барселону, и они забудут все произошедшее сегодня как страшный сон, который не имел к ним никакого отношения.

– Наташ, – позвал он жену, – милая, ты как?

Жена в ответ разразилась новой порцией беззвучных рыданий.

– Все будет хорошо. Я не допущу, чтобы с вами что-то случилось, – сказал он и сам понял, как глупо это прозвучало.

Все уже случилось. Они связаны и сидят в темной комнате, где пахнет плесневелой затхлостью, а батареи еле теплые. По каменной тишине за окнами, заклеенными черной бумагой, можно предположить, что они за городом. Ни звука, ни стука, ни шума электрички. Далеко от всех путей и дорог, далеко от людей.

Он смутно начал догадываться, где они находятся, и эта догадка ледяной рукой сжала ему сердце. Если дело обстоит именно так, как он думает, никому их не найти. Ни одной живой душе просто не придет в голову искать их здесь. И

тогда придется полагаться на удачу. Хотя в то, что удача может оказаться на его стороне, верилось слабо. Кто же отпустит пленников, если они видели лицо своего похитителя и знают о его преступных намерениях? А они видели и знают.

Он вытянул ноги, пытаясь принять более удобную позу на нелепой банкетке, на которую его посадили, и в конце концов решил просто сползти на пол.

Лада тоже не стала сидеть на месте. Она слезла со своего кресла и в темноте осторожно подошла к матери, прижалась к ней и начала утешать.

В этот момент вся безнадежность их положения стала ясна. Он закрыл глаза, чувствуя, как холодный, омерзительный ужас заполняет каждую клеточку тела.

Им не выбраться.

* * *

25 декабря

Адрес, который мне продиктовала накануне Мария Павловна Одинцова, удивил – это была элитная новостройка, которая недавно воткнулась между аккуратными домами сонного исторического центра.

Пару лет назад, когда одному недобросовестному застройщику удалось выбить разрешение на ее строительство, она наделала много шума. Жители близлежащих домов устра-

ивали многочасовые пикеты у здания мэрии, пытаясь не допустить возведения дорогой свечки, рушившей уютную прелесть старого района, но, разумеется, справедливости не добились. Чудо современной инженерной мысли, частично съев прекрасные дворики с яблоневыми садами, выросло в двадцать два этажа. Его обнесли высоким кованым забором, и в просторные квартиры с видом на старый патриархальный Тарасов въехали солидные жильцы. У местных жителей вид, наоборот, сильно испортился. Свечка нелепо возвышалась над пышной зеленью окружающих садов и скверов, вызывая непристойные ассоциации. Не прошло и месяца после сдачи объекта, как злополучный дом обзавелся некультурным прозвищем.

Тарасовцы с удовольствием смаковали его, словно получая моральную компенсацию за поражение, а жильцы дома недовольно отмахивались. Зато у них потрясающий вид на реку, консьерж на входе и гостиные – каждая величиной с небольшой концертный зал.

Подъезжая к «нехорошему» дому, я размышляла о том, кто же, собственно, моя клиентка. Судя по голосу, это была пожилая женщина. Во время разговора мне невольно нарисовался образ интеллигентной бабушки, учительницы музыки на пенсии, но вряд ли служительница муз могла позволить себе такие хоромы. Стоимость квартир здесь, как и сама новостройка, стремилась за облака.

Подъехав к дому, я набрала номер таинственной клиент-

ки, и она открыла ворота. Медленным, плавным движением они отъехали в сторону, пропуская меня на крытую гостевую парковку. Я припарковала машину между одинаковыми черными «Кайенами» и поднялась по ступеням к главному входу. Стены вентилируемого фасада тускло поблескивали в свете мягкого зимнего солнца. Пискнул домофон, и металлическая дверь тяжело открылась. Из подъезда вырвался теплый воздух.

На площадке первого этажа в стеклянной будке сидел консьерж – как жук в банке.

«Зачем тут консьерж? – подумала я. – С улицы сюда просто так не войдешь».

Словно подтверждая мои мысли о бесполезности его должности, усатый консьерж лениво скользнул по мне взглядом и вернулся к своему ноутбуку, где на экране негромко шла серия «Ментов». Рядом с дядькой исходил паром чай в грязноватой чашке и лежала упаковка таблеток от желудка.

– Здравствуйте, – кивнула я и пробежала мимо, к лифту.

Брови усатого флегматично дрогнули. Он промолчал, и я невольно подумала, что никогда в своей жизни не видела добродушного и улыбчивого консьержа, хотя жильцы за свои деньги явно имели право требовать чуть больше радушия.

Следуя инструкции, я поднялась на двенадцатый этаж.

Дверь квартиры сорок пять открылась мне навстречу сама – хозяйка ждала на пороге. Ею оказалась элегантная, изящная женщина в костюме шанелевского типа и с гладким пучком.

ком на затылке. Она была на каблуках, чем удивила меня несказанно.

Правда, оказавшись внутри ее квартиры, я поняла, что домашние тапочки тут абсолютно неуместны. Просторный холл был увешан картинами – старинными и, судя по всему, подлинными, как-то сразу чувствовалось, что хозяйка вряд ли опустила бы до копий, но размашистый импрессионистский стиль был узнаваем.

– Это Коровин, – сказала Мария Павловна, заметив мой интерес. – Не такие известные вещи, конечно, как в Третьяковке или в Русском музее, но не менее талантливые, на мой взгляд. Проходите в гостиную, я заварила нам чай.

Все еще слегка ошеломленная дворянским приемом, я разулась и прошла в комнату. Панорамные окна были обрамлены складчатыми шторами, напоминающими о концертной торжественности филармонии. На круглом столе невероятного размера стояли аккуратные чашечки из тонкого фарфора и чайник. К столу были пододвинуты кресла с плюшевыми бледно-лиловыми спинками. Помимо обеденной группы в гостиной стояло пианино, на котором стопкой громоздились нотные тетради. Стены и здесь были увешаны картинами, а одну из них подпирал изящный стеллаж от пола до потолка, весь уставленный книгами – судя по виду корешков, антикварными. Тут же, сердито подбоченясь круглыми ручками, стояли две огромные напольные вазы, а рядом – несколько больших статуэток, изображающих ангелов

и пастушек. Весь этот сумбурный набор предметов был на удивление гармонично расставлен и не вызывал хаотичного ощущения музейного склада. Тут и там тяжелую классичность разбавляли горшки с комнатными цветами, фикусы и домашние пальмы. Телевизора нигде не было видно, да он в эту благородную компанию и не вписывался.

Разглядывая чудесную гостиную, я чувствовала себя ребенком, впервые попавшим в музей.

От Марии Павловны не укрылось мое изумление.

– Все гости, приходя ко мне впервые, поначалу испытывают похожее недоумение, – рассмеялась она мелодичным, почти девичьим смехом. – Ничего не могу поделать – люблю красивые вещи и хорошо себя чувствую в их присутствии.

Мы уселись за стол.

– Я не коллекционер, – сказала Мария Павловна, разливая чай в тонкостенные чашечки, – просто не могу устоять перед обаянием настоящего искусства.

– Вы, наверное, работник культуры? – спросила я.

– Я музыкант, – ответила моя собеседница, передавая сахарницу. – Правда, с концертной карьерой у меня не сложилось, и я всю жизнь преподавала в Тарасовском музыкальном училище. Обучала игре на фортепиано. Да и сейчас, на пенсии, даю уроки на дому.

Видимо, на моем лице слишком явно отразилось недоумение: такая роскошная квартира и ее богемная обстановка явно были не по карману простой учительнице музыки.

– Это все, – Мария Павловна обвела комнату взглядом, – от моего мужа. В девяностых он занялся ресторанным бизнесом, и дело оказалось довольно успешным. Про ресторан «Либретто» слышали, думаю.

– Конечно. – В памяти коротко мелькнуло воспоминание о тяжелых фарфоровых тарелках и классических люстрах, свисавших с потолка на цепях. В свое время «Либретто» очень любили выбирать для встреч богатые клиенты.

– Еще у нас сеть пекарен была. Но мужа не стало около года назад, и пекарнями теперь занимается партнер Ивана по бизнесу.

Над столом поплыл пряный аромат. Я почему-то так и знала, что чай будет травяным. Мария Павловна была похожа на человека, который при слове «кофе» недовольно морщится. Конечно, я бы предпочла чашечку свежесваренной арабики, но это неудобство можно потерпеть.

– Итак, Мария Павловна, – начала я, решив не затягивать светскую беседу, – по какому поводу вы меня позвали?

Легкая улыбка исчезла с лица хозяйки, и она быстро кивнула:

– Да, вы правы, сразу к делу.

Она встала с места, прошла к изящному комоду, спрятавшемуся за гигантским фикусом у двери, и достала из ящичка какие-то фотографии. Вернувшись к столу, она положила передо мной снимки приятной семейной пары с дочерью лет двенадцати.

– Это мой сын и его семья.

– Лицо знакомое, – сказала я, вглядываясь в изображение красивого мужчины средних лет.

– Мой сын – Олег Одинцов, владелец компании «Тарасов-транс». Вы, наверное, слышали об этом неприятном скандале, который разгорелся в последние несколько месяцев?

– Да, я в курсе новостей. Теперь понятно, откуда мне знакомо его лицо.

Олег Одинцов владел большей частью коммерческого транспорта в Тарасове. Уже больше десяти лет его автобусы, выкрашенные в голубой цвет, бороздили наш город во всех направлениях. На его долю приходились самые прибыльные маршруты, что в конце концов сильно осложнило жизнь конкурентам. Я не вникала в суть конфликта, который разгорелся около полугода назад, но знала, что власти инициировали конкурс, на котором должно было состояться перераспределение всех имеющихся в городе маршрутов, а также упрощена транспортная сеть, которую уже давно критиковали за перенасыщенность.

– Олег всегда меня ограждал от этих грязных вещей, от политики и своего бизнеса, – сказала Мария Павловна. – Думал, я ничего не понимаю и только волноваться буду. Но я не слепая и не умственно отсталая. Кому-то не понравилось, что у него лучшие маршруты и лучшие автобусы в городе. Мне кажется, его похитили.

– Похитили? – удивилась я. – Вам поступали требования о выкупе?

– Да нет, боже. – Мария Павловна махнула рукой. – Если бы дело было в выкупе, я просто заплатила бы. Да он сам заплатил бы! Нет, дело в другом. – Женщина сокрушенно опустила голову и покрутила свою фарфоровую чашечку. – Наверное, это как-то связано с его бизнесом.

– Почему вы думаете, что имело место похищение?

– Он не берет трубку уже много дней. Дома никого нет. Его жена и дочь тоже не отвечают. Такого никогда раньше не бывало.

– Они могли уехать куда-нибудь, – неуверенно произнесла я. – Почему вы исключаете такую возможность?

– Уехать и ничего не сказать мне? – возмутилась Мария Павловна. – Вы просто не понимаете. Мы с сыном очень близки. Созваниваемся обычно каждый день. Я часто приезжаю к ним в гости. Лада – это моя внучка – постоянно гостит у меня и тоже пишет каждый день. А позавчера был день рождения невестки Наташи. Мы планировали большой праздник, но накануне от нее пришло сообщение, что она заболела и торжества отменяются.

– И что в этом странного?

Мария Павловна посмотрела на меня как на дитя неразумное:

– Написать эсэмэс и не позвонить? О таких вещах в эсэмэске не пишут, неужели непонятно?

– Мария Павловна, – мягко произнесла я, пытаюсь успокоить женщину, на глазах которой уже выступили слезы, – поймите меня правильно. Контакт с вашими родственниками, насколько я понимаю, полностью не потерян. Они вам пишут. Нельзя исключать того, что с ними все в порядке. Может, ваши близкие действительно заболели и им тяжело разговаривать.

– В полиции тоже так сказали, – грустно ответила Мария Павловна, – но я знаю: что-то не так. Они просто пару раз написали короткие послания, а от встреч уклоняются.

– Мария Павловна, простите за вопрос, но, может, они просто за что-то на вас обиделись?

– Да на что? Нет, говорю вам, мы не ссорились совершенно. У нас отличные отношения. – Женщина, опершись руками о стол, обхватила ладонями лоб. – Я написала каждому, что схожу с ума от волнения, и никто из них не отреагировал. Этого просто никогда бы не случилось. Пожалуйста, попробуйте узнать что-нибудь! Я же не прошу заниматься благотворительностью – оплачу вашу работу как полагается.

Что-то в ее тревожном голосе меня зацепило. Если отношения у Марии Павловны и ее сына действительно были такими близкими, как она говорит, то это «радиомолчание» и в самом деле выглядело странным. Тем более женщина не производила впечатление истерички, готовой удариться в панику от любой чепухи.

– Хорошо, – кивнула я, – проверить в любом случае не

помешает. Теперь расскажите подробнее, когда ваш сын перестал выходить на связь и что было накануне.

Мария Павловна кивнула и, немного успокоившись, начала рассказывать.

12 декабря она проснулась с жуткой головной болью и позвонила сыну, чтобы попросить его привезти лекарство.

– Понимаете, – сказала моя собеседница доверительным тоном, – после смерти мужа я живу одна, а болею редко. У меня не очень много лекарств, потому что я не люблю принимать таблетки по любому поводу. У моих подруг аптечки помещаются в дорожных чемоданах, а я вот предпочитаю народные методы: чай, настои трав, медитацию. В большинстве случаев это помогает и от головной боли, и от давления, и от нервов. Но в этот раз голова болела так сильно, что пришлось вспомнить о фармакологии. Я позвонила сыну, и он не взял трубку. Тогда я позвонила невестке, потом внучке – никто не ответил. Мне подумалось, может, они все на каком-то меропрятии, и я особо волноваться не стала. Заказала таблетки в интернет-аптеке и написала сыну, чтобы перезвонил. Но он, как вы понимаете, не перезвонил.

Мария Павловна попыталась связаться с сыном еще раз, потом на следующий день, и все безрезультатно. На третий день она села в машину и поехала к дому сына.

– Там никого не оказалось. Обе машины – его и Наташина – стояли под навесом. На мои звонки так никто не ответил. Попасть на территорию дома не удалось, потому что ключа

от входной калитки у меня нет. Сколько раз говорила Олегу – дай мне запасной ключ, мало ли что! Но нет – Наташа была против. Считала это вторжением в их частную жизнь. Ключи мне привозили, только когда семья сына отправлялась в отпуск. – Мария Павловна обиженно поджала тонкие, тронутые неброской помадой губы. – В общем, я побродила немного по периметру, рассмотрела дом. Было понятно, что там никого нет. Знаете, от пустого дома веет таким пронзительным холодом, что всегда понятно, что он пустой. Мне нехорошо стало от этой пустоты. Все показалось таким зловещим, и я заволновалась по-настоящему, вернулась домой, обзвонила всех знакомых, с которыми они общались. Их никто не видел. Лада уже давно не ходит в школу – я связалась с классным руководителем, и та сказала, что девочка болеет. Мол, ей родители написали. Я, как это услышала, бегом побежала в полицию, но заявление принять они отказались – сказали, связь с людьми есть.

– Даже не засомневались? – спросила я.

– Нет. – Мария Павловна замялась и затеребила край вышитой льняной салфетки. Я видела, что она о чем-то не решается сказать.

– Говорите, я должна знать все.

– Когда я была в полиции, мне пришло сообщение от Олега: «Мама, все в порядке. Мы болеем. Не хотим тебя заразить». Пришлось показать ее сержанту. Конечно, он не принял никакого заявление.

– Несмотря на это сообщение, вы по-прежнему уверены, что случилось что-то нехорошее?

– Да, именно из-за этого сообщения и уверена! Никогда такого не было – заболели и не отвечают, трубку не берут, сами не звонят. Раньше всегда звонили, объясняли. Они же знают – я беспокоюсь! А тут такое безликое сообщение. Не «мамулечка», не «мамочка», никаких деталей. Это просто на него не похоже, поймите! Мое материнское сердце чувствует, что тут что-то не так! – Мария Павловна всплеснула руками. На пальцах сверкнули матовым блеском дорогие тяжелые кольца. – Ну как вас убедить?

Я мягко улыбнулась:

– Вам не нужно меня убеждать. Я делаю то, за что платят. Если вы хотите проверить, все ли в порядке с сыном, – это ваше право. Расскажите мне немного о нем и его семье.

– Олег... он... не знаю, с чего начать, – женщина растерянно развела руками. – Двадцать пять лет назад окончил институт по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте». Потом работал в разных компаниях, пошел в гору. Долго был финансовым директором в одной компании, которая занималась перевозками в Новосибирске. Потом вернулся в Тарасов и открыл тут свою компанию. Купил автобусы, развивал сеть. Что еще сказать? Женился давно, когда только-только вернулся в город. Наташа работала в банке, а после рождения Лады ушла с работы. Сейчас домохозяйка. Дом у них в коттеджном поселке Тихий – на выез-

де из города. Ну, вы о нем знаете, наверное. – Я кивнула. – Детей, кроме Лады, нет. У Наташи были какие-то проблемы после родов, она не вдавалась в подробности. Ну вот, собственно, и все. Нормальная, дружная семья.

– Вы не обижайтесь, но я должна спросить: у вашего сына были какие-нибудь отношения на стороне?

Мария Павловна отреагировала на удивление спокойно:

– Думаю, да. Мы же в современном мире живем, я уже приняла это. Не подумайте, Олег не гуляка какой-нибудь, – поспешно добавила она, – но мне известно, что какая-то барышня для встреч у него была. Я с ней не знакома, но друзья, думаю, в курсе.

– А жена?

– Жена не знает, это точно. Наташа – особа трепетная. Узнала бы – ушла бы в ночь с ребенком или выкинула еще какой-нибудь номер. Я всегда Олега предупреждала – не делай глупостей, будь осторожен.

Я мысленно усмехнулась, представив, как старушка-мать учит своего великовозрастного сына грамотно изменять жене.

– Я не могу утверждать категорично. Сами понимаете – о таком особо не распространяются. Даже матери не расскажешь всего. То, что год назад отношения на стороне у Олега были, я знаю. Но продолжают ли они по сей день – не уверена. А какое это имеет значение? Вы же не думаете, что он сидит у какой-нибудь девицы все эти дни?

– Нет, конечно, – ответила я. – Тем более что это никак не объясняет того, куда пропали ваши невестка и внучка. Но любовницам иногда рассказывают то, что не рассказывают родным и близким. Если эта женщина встречается с вашим сыном до сих пор, она может что-то знать.

Мария Павловна не ответила, только молча кивнула.

– Вам виднее. Правда, я не знаю, как вам помочь ее найти.

– Хорошо. Мне потребуется эта фотография. – Я помахала снимком счастливого семейства.

– Да, конечно.

– Я верну, разумеется. А еще напишите мне точный адрес Олега и имена близких знакомых семьи, которые могут знать, где они.

– Да я же всех уже обзвонила, – вздохнула убитая горем женщина.

– Все равно напишите. Они могут сказать мне что-нибудь, чего вам не сказали, или вспомнить какие-то факты после вашей беседы.

– Хорошо, хорошо, я все напишу. Только выясните, бога ради, что происходит!

* * *

Я вышла от Марии Павловны с длинным списком имен, адресов и фамилий. Также по моей просьбе она переслала мне все сообщения Олега, его жены и дочери, поступившие

за последние две недели.

Прежде всего надо было уложить в голове всю информацию, полученную от клиентки, поэтому я, выехав на улицу, свернула на центральный проспект и через пять минут припарковалась у одной из кофеен, во множестве расплодившихся в исторической части города.

Кафе «Турандот» было самым популярным этой зимой – оно открылось совсем недавно и уже успело прославиться своими десертами и вкусным натуральным кофе. Я никогда не была завсегдатаем ресторанов, но здесь действительно подавали лучший кофе в городе, поэтому мне нравилось иногда сюда заглядывать.

Несмотря на рабочий день, в заведении толпилось много народу. Царило оживление, которое бывает только в предпраздничные дни. Звенели ложечки в фирменных чашках с восточным рисунком, звучал смех, а из динамиков лилась легкая рождественская музыка, наполнявшая душу теплом и хорошим настроением.

Свободных столиков не было – пришлось сесть у барной стойки. Бармен поставил передо мной пуровер – с некоторых пор я прониклась альтернативными способами заваривания кофе. Увидев, что я выкладываю на стойку стопку листов, он подвинул салфетки, расчистив для меня место на довольно узкой стойке. Я благодарно улыбнулась и погрузилась в чтение.

Первыми в списке шли имена секретаря и заместителя

Олега Одинцова. Следом Мария Павловна обозначила имена ближайших друзей семьи. Несколько фамилий были мне знакомы: бизнесмен Липкин, который один раз даже пользовался моими услугами, и журналист главного новостного портала города.

Вчитавшись в длинный перечень имен и телефонов, я невольно улыбнулась: взволнованная мать вписала сюда даже данные семейного доктора Одинцовых, классной руководительницы Лады и адрес косметического салона, который посещала Наташа, жена Олега. Опрашивать всех – уйдут годы, да и не было в этом никакой нужды. Начать следовало с близких друзей и знакомых, а также коллег.

«С коллег, пожалуй, в первую очередь, – подумала я. – С друзьями можно неделями не общаться, а бизнес без внимания не оставишь».

Но прежде всего нужно понять, стоит ли вообще привлекать всех этих людей. Иными словами, требуется посетить резиденцию Одинцовых.

Я искренне надеялась, что транспортный воротила Тарасова чудом окажется дома, и я со спокойной душой буду готовиться к празднику, а не бегать по городу, пытаясь лихорадочно опросить всех его знакомых.

Как будет здорово успокоить встревоженную заказчицу! Потому что, если она права, дело могло обернуться плохо. Похищение и убийство идут рука об руку. А если учесть, что пропала вся семья, на благоприятный исход оставалось мало

шансов.

– Ни сна, ни отдыха измученной душе? – вдруг раздалось над ухом. – Татьяна, праздники на носу, а ты бумажками обложилась!

– А? – вздрогнула я, поднимая голову от записей.

Рядом стоял мой давний знакомый и улыбался во весь рот.

– Валька! – воскликнула я и убрала сумку с соседнего стула. – Падай!

Валька Черных был моим давним приятелем – в детстве мы жили в одном доме, а в школе учились в параллельных классах. Валька работал в какой-то компании сотовой связи, а также подрабатывал программистом. Мы не встречались уже пару месяцев, и я была искренне рада увидеть раскрасневшуюся на морозе родную физиономию.

– Двойной эспresso, – попросил он у бармена и уселся рядом, с трудом убрал свои длинные, как у кузнечика, ноги под узкую стойку.

В Вальке было почти два метра роста, и в детстве он доставал для всей дворовой детворы мячи, застрявшие на дереве.

– Ты все так же хорош! – искренне восхитилась я.

Валька был умопомрачительно красив. Русые вихры живописно падали на лоб, глаза были пронзительно синими, а контур губ изящно выгнут капризным «луком». Удивительно, что при этом я за все годы нашего знакомства умудрилась ни разу в него не влюбиться.

– Замерз?

– Еще бы! Все утро мотался по городу. Вот, заскочил кофейку бахнуть. А ты что, работаешь?

– Работаю, – вздохнула я, и тут меня осенило, как использовать эту нечаянную встречу. – Слушай, сотовая связь – это же по твоей части?

– По моей, – кивнул Валька и жадно поглядел на стойку с пирожными. – Может, испортить аппетит перед обедом и съесть фирменный эклер? Как думаешь?

– Обязательно съешь, – ответила я. – А пока будешь наслаждаться сладким, проконсультируй меня.

– Ну, спрашивай, – засмеялся Валька. – Чем могу быть полезен частному сыску?

– Вот скажи, милый друг, если человек пропал, но посылает эсэмэски, можно каким-нибудь образом отследить его местоположение?

– В некоторых телефонах есть функции и приложения для отслеживания.

Я скептически покачала головой. Мария Павловна уже воспользовалась бы таким приложением, если бы оно было у нее установлено.

– Допустим, таковых нет.

– Если нет, то можно установить радиус нахождения. Телефон посылает сигнал через вышки сотовой связи. Правда, этот радиус может оказаться очень широким.

– Это ничего, мне хотя бы примерно нужно знать. Не ока-

жешь услугу?

Бармен поставил перед моим другом тарелку с эклером, политым малиновой глазурью. Валька откусил кусочек и закатил глаза от удовольствия. Он был известным сладкоежкой.

– Ну как? Согласен? – нетерпеливо спросила я.

– Слушай, мы это делаем только по запросу из полиции, извини, – запротестовал Валька. – И вообще, что ты за человек! Как можно говорить о делах, когда тут такая красота на блюде!

– Ну Валек! – захлопала я ресницами, призывая на помощь все свое обаяние. – Черт с ним, с твоим эклером! Неужели нет способа тихонечко проверить?

Валька недовольно нахмурился.

– Ну, я могу, конечно, но, если узнают, мне по шапке здорово дадут.

– Валечка, родненький, ну сделай. Мне очень надо! Я – могила, от меня никто ничего не узнает.

– Я и не беспокоюсь, что кто-то узнает от тебя. Я беспокоюсь, что кто-то ПРОСТО узнает, – ответил он с набитым ртом, роняя крошки. Каждую из них он пальцем собрал со стола.

Я молча посмотрела на парня, по-прежнему выразительно хлопая ресницами.

– Ладно, – пробурчал он, отводя взгляд, – но ты будешь мне должна!

Я расхохоталась:

– Надеюсь, не выйти за тебя замуж?

– Такие жертвы не потребуются. – Валька с наслаждением закинул в рот последний кусочек пирожного.

– А что тогда?

– Купи мне лучше еще один эклер. Они тут жутко дорогие!

Глава 2

Расставшись с Валькой (пришлось купить ему целых два эклера), я села в машину и набрала в навигаторе адрес Одинцовых.

Путь был неблизким. Поселок Тихое формально уже десять лет числился в городской черте, но находился, разумеется, на самой окраине Тарасова, и мне предстояло пересечь весь город по плохо чищенным (привет коммунальным службам) дорогам.

Как раз когда я завела мотор, из низких грязно-белых облаков хлопьями повалил липкий снег.

– Черт!

Медленно отъехав от обочины, я влилась в сонный автомобильный поток. Широкий проспект был забит транспортом – большей частью из-за того, что первую полосу почти наполовину «съел» сгруженный снег, который никто не вывозил.

Включив негромко радио, я углубилась в размышления.

Если в самом деле имело место похищение, то кому и зачем это могло понадобиться? Конкурентам? В таком случае, почему его именно похитили, а не убили? А может, дело вообще не в бизнесе? Ведь человек мог вляпаться в любую другую нехорошую историю.

Года два назад я расследовала дело с исчезновением се-

мейной пары. Тогда тоже речь поначалу шла о проблемах с бизнесом. Но в итоге оказалось, что в дом вломились грабители и в ходе завязавшейся борьбы просто убили хозяев, а тела вывезли в лесополосу.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Не хотелось бы такого печального продолжения для Одинцовых. Тем более что на носу праздник, как неоднократно уже напомнил диктор по радио, и мне совсем не улыбалось трагической историей завершить уходящий год.

В скандал, которым сопровождалась реформа городского транспорта, я до сих пор не вникала. Знала, что за денежные маршруты идет нешуточная борьба, но в детали не углублялась. Теперь придется этим заняться. Если, конечно, к тому моменту, как я приеду к дому Одинцова, он не объявится сам.

Я посмотрела на дорогу и поняла, что уже десять минут торчу у перекрестка, не сдвинувшись ни на метр. Автомобильные гудки оглашали улицу. Кто-то особенно нетерпеливый без конца сигналил прямо у меня за спиной. Через пять минут у меня разболелась голова, потому что гудки охватили уже всю улицу. Некоторые начали выходить из машин в попытках выяснить, почему на оживленной улице движение встало намертво.

С трудом я втиснула свой автомобиль между двумя припаркованными машинами у обочины и тоже вышла посмотреть.

Разгадка таинственной пробки оказалась неподалеку: метрах в ста от меня два автобуса перегородили движение. Около них уже начал скапливаться недовольный и любопытный народ. Очередной водила около меня нажал на гудок и долго не убирал руку. Я разозлилась и стукнула ему в стекло.

– Чего гудишь? Думаешь, все впереди тебя просто забыли нажать на газ?

Дядька нахмурился и отвернулся.

Я прошла до затора и увидела, что автобусы заблокировали проезжую часть намертво, не оставив никакой лазейки даже для самой маленькой легковушки.

– Авария? – спросила я у стоящего рядом мужичка.

– Не, – лениво протянул дядька, потягивая сигаретку, – бастуют.

– Бастуют? – удивилась я. – А чего хотят?

– Да черт его знает, – ответил мужик и выругался. – Сказали, акция протеста.

– Ясно, – прошептала я и протиснулась еще поближе.

В автобусах сидела куча народу. Люди выглядывали из окон и казались немного напуганными, словно не ожидали, что привлекут столько внимания. Водители развалились на своих сиденьях и делали вид, что происходящее вообще не имело к ним отношения. Между автобусами носились два человека с громкоговорителями, которые, когда я подошла, велели сидящим внутри достать плакаты. В окнах замелькали большие листы с напечатанными крупно лозунгами.

«Мы не монополисты!», «Мы против рейдерского захвата!», «Остановите беспредел!». Люди изнутри прикрепляли плакаты к окнам, и в итоге все лица скрылись за кричащими надписями.

Водители, окружившие автобусы, начали возмущаться:

– Мы-то тут при чем? Уберите транспорт с проезжей части!

– Да где полиция, черт возьми? – возмутилась девица в норковой шубе, которая вылезла из огромного внедорожника, сияющего красным лаком. – Долго нам еще тут стоять?

Я увидела подползающую с другой стороны улицы машину местной телекомпании и набрала номер своего давнего приятеля, подполковника полиции Кирьянова Владимира Сергеевича.

– Внимательно слушаю, – бодро отрапортовал он, взяв трубку на втором гудке. – Только быстро, а то я убегаю.

– Кирьянов, а разгонять бастующих – это не по твоей части?

– Нет, – засмеялся Владимир Сергеевич. – Ты про этих дурачков из «Тарасов-транса»?

Я ушам своим не поверила.

– Это «Тарасов-транс» устроил?

– Да. Наши уже туда едут.

– Тут и телевидение подтянулось. Вот скажи, почему они вас вечно опережают?

– Так телевизионщики наши частоты слушают. Погоди, ты

что, прямо на месте событий?

– Ага, – ответила я, – ехала мимо и застряла в этой пробке. Они же полностью перекрыли проезжую часть.

Кириянов посерьезнел:

– Как это ты умудряешься всегда быть в центре событий?

– Кстати, о событиях, – осторожно начала я, пробираясь ближе к тротуару, чтобы гуденье возмущенной толпы не мешало разговору. – Ты вообще в курсе, что происходит с нашим транспортом? В чем суть конфликта?

– Смутно, – ответил Кириянов. – Пока там никого не убили, вся эта заварушка не по моей части. Но мой дружок из антимонопольной службы говорит, что конфронтация довольно серьезная. Похоже, у «Тарасов-транса» хотят забрать жирный кусок бизнеса.

– Твой дружок может со мной поговорить?

– Танька, – вздохнул Кириянов, – почему ты спрашиваешь? Ты что, успела ввязаться в эту разборку?

– Можно и так сказать, – уклончиво ответила я. – Пока не знаю.

– И по какую сторону баррикад?

– Говорю же, не уверена, что у меня вообще есть дело, – огрызнулась я. – Ты дашь мне поговорить со своим приятелем?

– Приятель не слишком разговорчив, но я попробую устроить тебе встречу, – ответил Кириянов после некоторого раздумья.

В это время вдалеке послышался вой полицейских сирен.

– О, слышу родные звуки, – обрадовался Кирьянов в трубке. – Видишь, не так уж твои телевизионщики нас опередили.

Я вздохнула, еле сдержав смех.

– Журналистам хотя бы хватило ума подъехать с другой стороны. Твои бойцы в пробке гудят.

Владимир Сергеевич недовольно и, как мне показалось, смущенно кашлянул.

– Ладно, позвони мне, если твой друг захочет поделиться информацией. Скажи, что наша беседа будет носить конфиденциальный характер, и я никому не проболтаюсь.

– Хорошо, – пообещал Владимир Сергеевич и отключился.

Я убрала телефон в карман куртки и подошла к одному из чудил с красным мегафоном.

– Простите, а акция одобрена вашим начальством или это собственная инициатива сотрудников?

Парень, замотанный шарфом по самые ноздри, удивленно на меня воззрился.

– Начальство и организовало эту акцию. Но мы полностью солидарны с руководством. Это форменный беспредел и преступление в отношении компании «Тарасов-транс».

– Что именно? – спросила я.

– Как что? Действия конкурентов и властей, которые идут у них на поводу. А вы из прессы?

– Да, – быстро ответила я, делая вид, что ищущу удостоверение. – Можно поговорить с вашим начальством?

– В данный момент нет, – покачал головой парень. – Поговорите со мной и нашими работниками. Мы вам все расскажем.

– А Олег Юрьевич? Сами понимаете, мне интересен комментарий от владельца компании. Ну или хотя бы от его заместителей.

– Он сейчас в отъезде, и заместители тоже, – устало ответил парень. – Но мы на связи и получаем инструкции от руководства по телефону.

Парень поправил шарф, щекотавший ему нос, и я вдруг увидела, как он молод.

– А вы, простите, кто?

– Я из пресс-службы, – ответил он.

– Как вас зовут?

– А вам зачем?

– Леша! – раздалось у автобуса. Девушка с таким же мегафоном замахала парню рукой: – Иди сюда!

– Извините, мне надо идти. Мы дадим комментарий прессе, когда соберутся представители всех телекомпаний, чтобы не разговаривать с каждым по отдельности.

И молодой человек, прижав к боку мегафон, который, очевидно, устал держать, побежал в сторону одного из автобусов.

Я хотела посмотреть, как полиция будет разбираться с

протестующими, но глянула на часы и поняла, что если застряну здесь, то не успею сегодня добраться до дома Одиновых. Проверив, что машина припаркована по всем правилам и никому не помещает, я свернула на боковую улицу и пошла по направлению к другому оживленному проспекту, где на удивление быстро поймала такси.

Пока мы ехали и седой усатый водитель крутил ручку магнитолы в поисках нешипящей волны, опять пошел снег. Начавшись легко и невесомо, он быстро вырос до крупных хлопьев и стеной повалил так, что скорость движения в разы упала. Мы ползли на старом «Опеле» по направлению выезда из города, и все это время я размышляла о деле, хотя очень хотелось подумать о чем-нибудь другом.

Пролистав новостную ленту в телефоне, я увидела, что «Тарасов-транс» устроил забастовку с перекрытием еще на двух больших улицах.

Таксист вовремя увидел пробку в навигаторе и, тихо выругавшись, поехал в объезд.

– Дебилы! – хмыкнул водитель, глядя в навигатор.

Я подняла голову от экрана телефона.

– Что?

– Дебилы, говорю. – Усатый полуобернулся ко мне, не отрывая взгляда от дороги. – Чего добьются таким образом? Только разозлят всех. Новый год на носу, люди торопятся, спешат, а они перекрывают дорогу и думают, что им посочувствуют. Кто?

Я неопределенно кивнула и задумалась: а действительно, почему Олег Одинцов пошел на такие странные меры? Чем выгоден этот бунт для компании, которая, по имеющейся информации, участвует в конкурсе, организованном властями?

Да, возможно, как сказал Кирьянов, у «Тарасов-транса» пытаются отжать хороший кусок рынка, но у них остается возможность выиграть конкурс на законных основаниях. И в этом случае участие в мероприятии, которое заблокировало транспортный поток, может аукнуться компании санкциями или вообще исключением из конкурса. Это же риск. Так ради чего было затеяно это сомнительное действо?

В таких противоречивых размышлениях я просидела всю дорогу, пока такси, чихнув на последнем повороте черным облачком, не выехало на узкую, застроенную красивыми особняками улицу.

* * *

Машина остановилась у кованых ворот, за которыми асфальтовой лентой шла широкая подъездная дорожка к двухэтажному дому из светлого клинкерного кирпича.

– Спасибо!

Я расплатилась с таксистом, который что-то добродушно пробурчал в седые мохнатые усы и уехал, оставив меня одну на безлюдной улице.

Картинка вокруг была похожа на рождественский фильм.

В сумерках округа наполнялась огнями. Деревья, облепленные снегом, как статуи застыли в морозном воздухе. А дом, который находился за оградой, очень напоминал дом Кевина Маккалестера из любимой комедии «Один дома» – классический, со множеством окон, увитый новогодними гирляндами, которые сейчас были выключены. Горела только автоматическая подсветка у крыльца, освещающая ближайшую тую, на которой кто-то заботливой рукой вывесил большие елочные игрушки.

То, что дом пуст, было понятно с первого взгляда. В окнах – ни огонька. Дорожка, ведущая от калитки к дому, покрыта нетронутым слоем снега. На низком крыльце нанесло небольшой сугроб, а из почтового ящика, прикрепленного снаружи к ограде, торчит пачка бумаг.

Я подошла поближе и вынула несколько листов – рекламные листовки, счета, бесплатные газеты. Удивительно, что распространители доезжают до этих улиц! Макулатуры было достаточно, чтобы понять – почту не забирали несколько дней. Ни один хозяин не допустил бы, чтобы почтовый ящик давился переполнявшими его бумагами.

Засунув все обратно, я пошла вдоль ограды. Дома на противоположной стороне улицы прятались за высокой глухой стеной. На своей стороне дом граничил слева с небольшим коттеджем, но обзор его обитателям также был загорожен – многочисленными хозяйственными постройками у забора и большой беседкой для барбекю. Мысленно я чертыхнулась.

Ближайшим соседям вообще не было видно, что происходит на участке у Одинцовых. А справа соседи вообще отсутствовали – особняк владельца «Тарасов-транса» стоял первым на улице. С этой стороны ограды было чистое поле, замеченное снегом. Тут и там виднелись заросли неизвестного кустарника, тянущиеся до самой трассы, ведущей к городу.

Я с сомнением посмотрела на свои замшевые сапоги. Жалко, конечно, лазить в них по сугробам, но ничего не поделаешь.

Медленно переставляя ноги, проваливаясь по колено в снег, я двинулась вдоль забора. Дом молча смотрел на меня слепыми темными окнами. Ни души!

Снег быстро проник в голенища, стало противно мокро. Я обошла территорию особняка сзади. Окна, выходящие на поле, тоже были темны. На ветках сиреневых кустов, подходящих к карнизам первого этажа, недвижно лежали крупные шапки снега.

Пробираясь в сугробах, я медленно осмотрела всю ограду на предмет повреждений. Нет, все было цело. Перелезть через нее, правда, особого труда не составило бы, но кованые прутья поднимались довольно высоко, и тот, кто попытался бы это сделать, рисковал привлечь внимание. Я вернулась к калитке.

К этому моменту почти окончательно стемнело. На фоне почерневшего морозного неба дом с темными окнами выглядел особенно печальным и покинутым.

Я уставилась на запертую калитку, пытаюсь понять, куда делись его обитатели. Может, слегли от болезни, а помощь вызвать не успели? На душе стало неприятно и тревожно. Предчувствие чего-то нехорошего закралось в сердце.

От хмурых размышлений меня оторвал телефонный звонок.

– Владимир Сергеевич, категорически вас приветствую, – ответила я, увидев знакомое имя, высветившееся на экране.

– Танька, что случилось?

– А почему ты думаешь, что что-то случилось? – удивилась я.

– А ты таким голосом разговариваешь, только когда что-то случается.

– Нормальный голос, – буркнула я. Все-таки если друзья тебя знают как облупленную, это немного раздражает. – Я просто на улице и замерзла.

– Ладно. Я что звоню – мой человек из Антимонопольной службы может с тобой пересечься завтра в районе обеда. В два часа устроит тебя?

– Устроит, отлично, – горячо поблагодарила я. – Спасибо, что так быстро договорился.

– Не за что. Единственное, он просит без всяких звукозаписывающих устройств, и, разумеется, его имя нигде не упоминать. Я серьезно, Тань.

– Конечно, Володь, я же не дура и с источниками работать умею. Все будет строго конфиденциально. Дашь номер теле-

фона?

– Нет, телефон он просил не давать. А встречу назначил в закусочной «Кебаб» у рынка, знаешь? Он там обедает обычно.

– Знаю эту закусочную. С виду обрыгаловка, а кормят вроде неплохо.

– Да, это она.

– И как я узнаю твоего товарища?

– Он будет в костюме Губки Боба.

– Кирьянов!

– Шучу. Полный такой, в красной куртке, не проморгаешь.

Я попинала кирпичную опору столба.

– Звать-то его как?

– Алексей.

– Ну, хорошо, что не Мистер Икс. Кирьянов?

– А?

– А вот если есть вероятность, что с условно существующими людьми случилось что-то условно плохое, можно ли пробраться в условно пустующий дом и осмотреться?

Владимир Сергеевич кашлянул.

– Так. Иванова. Какую такую условную пакость ты там задумала?

– Никакую. – Я снова уставилась на дом за оградой. Мне почудилось какое-то движение за шторой в окне первого этажа. – Условно никакую.

– Слушай сюда, – суровым тоном заговорил мой друг. – Если говорить условно, то мало тебе не покажется, так что даже из головы выкинь. Лучше расскажи наконец, что происходит? Это как-то связано с тарасовским транспортом? Во что ты там, черт возьми, ввязалась?

– Успокойся, – сказала я самым веселым тоном, на который была способна. Если Кирьянов разойдется в нравоучениях, его уже не остановить. – Я ничего не собираюсь...

В этот момент мой взгляд зацепился за что-то интересное. Какой-то белый шнурок висел на кованой декоративной загогулине на калитке. Я присела и потянула за него. Из снежной шубы, в которую концом уходил этот шнурочек, вытянулся брелок с красивым металлическим цветком, на котором висели тяжелый зубастый ключ и «таблетка» от магнитного замка. В свете фонаря, склонившегося надо мной, ключ тускло отливал нездоровой желтизной.

– Танька! Ты там?

– Да, да... я никуда... не собираюсь...

Откуда тут этот ключ и что он отпирает? Я положила находку на ладонь и внимательно рассмотрела ее. Похоже, ключ от входной двери и, как подсказывали мне интуиция и здравый смысл, отпирать он мог только дверь в доме, который сейчас темнел за этой оградой, окруженный заснеженными кустами и деревьями.

– Иванова! Что ты там творишь и куда собралась залезть? – Голос Кирьянова заскребся в динамике, как жук в

коробке.

– Кирь, я перезвоню, – рассеянно сказала я и сбросила звонок.

Надо проверить.

Таблетку я поднесла к считывающему устройству на калитке. С легким щелчком дверь немного приоткрылась, заставив мое сердце выпрыгнуть из груди от волнения.

Нет, Одинцовы не болеют. Что-то случилось. Как связка ключей оказалась в этом месте – случайно ли зацепилась или ее нарочно кто-то выронил у калитки, – с этим я буду разбираться потом. Сейчас главное, что у меня есть ключ, и я могу войти в дом. Что я должна делать? Ежу понятно – просто открыть дверь и проникнуть в чужое жилище незаконно. Но выяснить, что происходит, я обязана. Если люди в опасности, моя нерешительность может стоить кому-то жизни. Рассудив таким образом, я набрала номер клиентки. Да, старушка разволнуется, но в данный момент важнее попасть в дом.

Мария Павловна ответила сразу, словно ждала моего звонка с мобильным телефоном в руке:

– Таня?

– Мария Павловна, я у дома вашего сына. Дом с виду пуст, как вы и говорили. Но я нашла какую-то связку ключей у калитки, и, похоже, она от входной двери. Я должна войти и все осмотреть, но по закону не имею права.

– Входите, входите! Господи. – Голос у женщины задро-

жал. – Боже мой, боже. Я не знаю... Входите. Если что-то случится – я скажу, что вы зашли по моей просьбе.

– В доме есть сигнализация?

– Есть, но Олег включает ее, только когда они с семьей уезжают из страны. В остальное время всегда кто-то есть дома. На всякий случай код отключения я вам сейчас пришлю. Панель прямо за дверью.

– Хорошо.

– Вы же позвоните мне сразу?

Я запнулась. Какая сцена откроется мне за этой дверью?

– Позвоните сразу! – сказала Мария Павловна. – Мне важно знать, что бы ни было.

Помедлив, я решила:

– Хорошо.

В конце концов, если ключи лежали у калитки, значит, велика вероятность того, что в доме нет людей.

Глубоко вдохнув, я отперла калитку и толкнула ее. Кованая дверца с тихим скрипом отворилась, сгребая в сторону нетронутый снег. Я почувствовала, что действительно мерзну, и, уткнув нос в плотный шарф, быстро пошла по дорожке к крыльцу.

* * *

Ключ с тяжелым звуком провернулся.

– Кто-нибудь есть дома? – громко спросила я, оповестив

о своем присутствии.

Ответом мне было молчание. Я огляделась и нащупала на стене выключатель. Панель сигнализации под ним молчала.

Итак. Одинцовы никуда не уехали и дом на охрану не поставили.

Яркая люстра в холле осветила широкое пространство. В две стороны – направо и налево – расходились жилые помещения, а передо мной распласталась широкая лестница с деревянными витыми балясинами. Сначала я решила осмотреть первый этаж и, последовательно щелкая выключателями, двинулась налево. Передо мной возникла светлая и просторная кухня-столовая с дорогим обеденным столом и тяжелыми стульями. У окна стоял небольшой угловой диван, на котором были рассыпаны какие-то бумаги. На кухне порядок. Ни грязной посуды в раковине, ни разводов на столешнице. Однако что-то меня насторожило.

Я замерла, прислушиваясь к ощущению. Какая-то деталь смущала. Точно! У дивана лежала чашка. Кто-то ее уронил и не поднял. Вряд ли такое было в порядке вещей в столь аккуратном и чистом доме. Скорее, это наводило на мысль о том, что кто-то выронил чашку из рук в спешке, панике или от неожиданности.

Я наклонилась, но решила не поднимать предмет: в дальнейшем может выясниться, что дом – место преступления. А в этом случае надлежит оставить все на своих местах.

Вытащив телефон, я сделала пару снимков. Рядом с чаш-

кой на плиточном полу виднелись контуры пятна. Если кто-то пил чай две недели назад, то разлитая жидкость успела бы испариться, оставив точно такие засохшие края.

На стеллаже у стены нижняя дверца была приоткрыта. Заглянув внутрь, я увидела вскрытые пакеты сухого кошачьего корма. Часть содержимого рассыпалась по полке. Один пакет аккуратно надрезан ножницами, остальные разодраны.

– Здесь кот, что ли? – вслух сказала я и в этот момент ощутила легкое прикосновение к своей ноге.

Взвизгнув от неожиданности, я отпрыгнула в сторону и, поскользнувшись на плитке, растянулась на полу, сильно ударившись локтем.

Около открытой дверцы сидел толстый серый кот и глядел в мою сторону с явным недоумением.

– Господи!

Кот был пушистый, с розовым носиком и большими круглыми глазами. Он подошел ко мне и снова потерся о мою ногу. Я все еще тяжело дышала.

– Черт! Хорошо, что у твоих хозяев собаки нет!

В эту минуту мне пришло в голову, что собака вполне могла быть и что я должна была заранее спросить у Марии Павловны о домашних животных.

Я поднялась с пола. Некоторое время мы с котом рассматривали друг друга. Потом я присела и погладила животное, которое принялось яростно тереться об меня головой.

– Как ты тут выживал две недели? – пробормотала я и

тут же поняла, кто разодрал мешки с кошачьим кормом в шкафу.

– А ты сообразительный малый, да?

В углу я заметила большую синюю миску, на которой се-ребристой краской было выведено: «ПИРАТ».

– Пират, значит. – Кот неопределенно мяукнул. – Ты не очень-то похож на пирата.

Насыпав коту корм в миску, я двинулась дальше по коридору, и животное последовало за мной.

Первый этаж был пуст – я раскрыла каждую дверь и осмотрела каждый уголок. Затем поднялась на второй этаж. Тут было три двери, не считая ванной. Одна комната оказалась спальней девочки – вся в воздушных розовато-лиловых тонах. На столе – раскрытый учебник по русскому языку и тетрадь. Строка была не дописана и обрывалась на полуслове. Дверь стенового шкафа раскрыта. Я заглянула внутрь. На плечиках чинно висели платья и куртки, но пара вещей были сброшены на пол шкафа.

«Как будто кто-то в спешке вытянул какой-нибудь свитер с вешалки и уронил часть одежды», – подумала я.

Или мне мерещится то, чего не было?

Следующей комнатой оказалась спальня родителей. Я в тысячный раз испытала чувство неловкости. Мне часто доводилось проводить осмотр домов, но каждый раз меня не покидало ощущение, что я вторгаюсь в частную жизнь, даже если мотивы у меня были самые благородные.

Спальня хозяев показалась мне стерильно чистой. Аккуратно заправленная кровать, накрытая сиреневым стеганым покрывалом без единой складочки. Чистый паркетный пол. Пустой туалетный столик, ощерившийся лампочками по периметру зеркала. У кровати с одной стороны стояли аккуратные домашние тапочки с пушистыми белыми помпонами.

Я выдвинула ящики прикроватных тумбочек и не нашла в них ничего интересного: в одном – книжка и крем для рук, в другом – пара журналов, зарядка для телефона и таблетки от головной боли.

Когда бы Одинцовы ни покинули дом, это случилось до того, как они легли спать. Их не выдернули из кроватей посреди ночи, это очевидно.

А вот последняя комната меня заинтересовала. Судя по обстановке, это был кабинет главы дома. Здесь стояла классическая мебель темного дерева, а перед массивным столом у окна высилось кресло с мягкой кожаной спинкой. Ящики стола были задвинуты, но в щели одного из них торчал листок бумаги.

Я открыла ящик, и на пол высыпался целый ворох листов, покрытых цифрами. Я ничего в них не поняла, только то, что это какие-то отчеты о кассовых операциях. Лоток для бумаг на столе тоже был полон.

Я достала телефон и сняла все, что нашла. Это надо показать какому-нибудь специалисту, если возникнет необходимость.

В раскрытую дверь медленно вошел Пират и замер у ножки стола.

– Опять напугал, – проворчала я и села за стол, пытаюсь представить себя владельцем компании «Тарасов-транс».

– Допустим, я – Олег Одинцов, и я во что-то вляпался, – сказала я вслух, обращаясь к коту.

Он вспрыгнул на стол и прошелся по нему тяжелыми лапами, после чего улегся под лампой. Я включила ее. Пират удовлетворенно зажмурился и удобно устроился в лимонном круге света.

– Во что я мог вляпаться? У меня хотят отжать кусок бизнеса. Кто – пока неизвестно. Назовем его Мистер Икс. И этот Мистер Икс мог меня похитить. Мог?

Кот мурлыкнул и вытянул лапы.

– Правильно, мог. С какой целью, непонятно, но это пока не важно. Или я сам мог в спешке сбежать от него. Вопрос – почему я выбросил ключ у калитки?

Пират жмурился и молчал. Я протянула руку и почесала его за ухом.

– Потому что надеялся, что кто-нибудь этот ключ найдет и проникнет в дом. Так? Отвечай, глупая животина.

Кот приоткрыл один глаз, сверкнувший на свету железным блеском.

– Так. А значит, в доме должно быть что-то важное. Понятно, что я не могу перерыть весь дом, потому что просто не знаю, что искать. Но я могу обследовать рабочий кабинет,

потому что все, что мне покажется здесь интересным, может оказаться именно этой самой вещью.

Иными словами, я должна поискать здесь. Но предварительно мне требовалось позвонить заказчице.

– Мария Павловна, в доме никого нет, – сказала я.

– О боже, – выдохнула женщина в трубку. – Где же они?

– Постарайтесь успокоиться. Следов борьбы нет. В доме все аккуратно. – Я умолчала о разлитом чае на полу кухни. – Большая вероятность, что они действительно куда-то уехали и ничего вам не сказали.

– Но почему? И куда?

– Я выясню это. А пока скажите – ваш сын ничего не передавал вам на хранение?

– В каком смысле?

– Не знаю. Записку, бумаги, записи, что угодно. Он не обращался к вам с просьбой что-нибудь для него припрятать?

– Нет. Совершенно точно нет, – твердо ответила Мария Павловна. – А в чем дело?

– Пока не знаю. Я копаю сразу в нескольких направлениях.

– Хорошо, хорошо, копайте, – устало вздохнула несчастная женщина.

– Еще один момент... э-э... тут кот.

– Боже мой! Пират! Я совсем про него забыла! Он живой? С ним все в порядке?

Я посмотрела на животное, которое перевернулось пузом

кверху и млело в лучах настольной лампы.

– В полном. Но не могу же я оставить его здесь одного? Давайте я привезу к вам котика.

– Даже не знаю, что делать. У меня сильная аллергия на кошек. Когда дети уезжали в отпуск, они всегда отдавали Пирата на передержку. Насыпьте ему побольше корма, пожалуйста, я попробую заглянуть на неделе. Вы же передадите мне ключ, который нашли?

– Конечно!

– Спасибо! Найдите Олега. Умоляю. Я не знаю, что думать и куда бежать.

– Мария Павловна, вам сейчас главное успокоиться. Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Не переживайте. Пока нет никаких оснований предполагать, что случилось что-то плохое.

Я закончила разговор и нажала отбой.

Вообще-то все основания предполагать худшее у меня были. Но сказать об этом матери, которую вот-вот хватит инфаркт от переживаний, я пока не могла. Надо осмотреть кабинет и уезжать.

У правой стены стоял массивный деревянный шкаф, уставленный книгами. Я перелистала каждую на предмет интересных бумаг, чеков или еще чего-нибудь необычного.

На это ушло больше получаса. В итоге удалось найти только пару детских фотографий дочки Одинцовых, которые были вложены в красочный том, посвященный Русскому фло-

ту, и записка в пятьсот евро – ее я поспешно сунула обратно в толстый справочник по маркетингу.

Я осмотрела все картины и репродукции, которые украшали стены. Прощупала подоконник и крышку стола с обратной стороны. Ничего. Задумчиво оглядев кабинет, я заметила засыхающие цветы в кадках и горшках и, чтобы прочистить голову, сходила на кухню, налила воды в большой кувшин и вернулась полить растения. Кот все это время ходил за мной и терся о ноги.

Я напряженно думала. Конечно, Одинцовы могли по какой-то неожиданной причине уехать. Если я ее не знаю, это не значит, что ее нет. Однако сорваться с места и не предупредить пожилую мать, бросить дома животное, оставить вещи – что могло побудить такое сделать?

– Допустим, Олегу Одинцову грозила опасность в связи с его деятельностью. Может, он подался с семьей за границу? Но откуда же можно дать знать своей матери, что с тобой все в порядке? – спросила я Пирата, который, поставив лапы на большой горшок с гигантской диффенбахией, принюхивался к сухой земле.

Я поднесла кувшин с водой к умирающему растению и обильно полила его. В этот момент взгляд мой упал на сердцевину цветка. В переплетении стеблей что-то темнело.

Я наклонилась и двумя пальцами вытянула оттуда какой-то маленький гаджет. Диктофон!

– Оп-па... – Внутри меня словно что-то взорвалось. Нет,

это дело совсем не простое.

– Мяу, – пискнул Пират.

Я отряхнула устройство от попавших на него капелек воды. Нажала на кнопку, но ничего не произошло. По-видимому, у диктофона села батарейка.

Ладно. Я сунула находку в карман куртки и застегнула его на молнию. Пора было уходить.

Перед тем как покинуть дом, я потратила еще полчаса, чтобы обойти все комнаты и полить все цветы, в изобилии расставленные по подоконникам и стеллажам, после чего погасила везде свет и наконец замерла у двери, задумчиво глядя на кота.

Тот, в свою очередь, молча глядел на меня, усевшись на коврик под большим, во весь рост, зеркалом, в котором отражались его пушистые ушки.

– Что же с тобой делать? – вздохнула я.

Мне было жаль оставлять несчастную животину одну в пустом доме. Порывшись в стенном шкафу, я нашла клетку для перевозки.

– Полезай, – велела я, открыв дверцу.

Кот, подняв шерсть, попятился. Вероятно, в этом приспособлении его возили к ветеринару, и воспоминания об этом у животного были не самые радужные.

– Лезь, кому говорю!

С трудом запихнув кота внутрь, я заперла дверцу, оглядела напоследок холл и, подхватив свою неожиданную ношу, вы-

шла на улицу.

Дома на той стороне улицы были залиты светом. Я задумалась – вообще-то жители напротив вполне могли что-то заметить две недели назад. Им, конечно, сильно загораживали вид пышные туи, вытянувшиеся в строй у забора. Но из окон верхних этажей наверняка видно крыльцо и часть подъездной дорожки Одинцовых.

Я вышла через калитку и остановилась напротив ограды, с досадой глядя на это сооружение, похожее на крепостную стену. Наши люди все время пытаются отгородиться от мира такими глухими и высокими заборами. Стремление понятное, особенно если семья состоятельная, но в моем случае не особо полезное.

Пират завозился в клетке и начал кусать прутья. Я порядком устала и поняла, что сегодня беспокоить соседей не буду. Надо привести в порядок мысли.

Достав телефон, я вызвала такси до своей машины, оставленной на проспекте, искренне надеясь, что демонстрантов уже разогнали и движение восстановилось.

Глава 3

26 декабря

– Мр-р-р-ряу. Мр-р-р-ряу. МР-Р-РЯУ!

Я буквально подскочила на кровати, случайно сбросив на пол стоящую на прикроватном столике чашку, и открыла глаза. Передо мной маячила пушистая кошачья попа.

– Отлично, – пробурчала я.

Пират развернулся парадной стороной и принялся тереться головой о мое плечо, очевидно, выпрашивая корм.

– Семь часов утра! Ты сдурел?

Я отвернулась к стене, попытавшись проигнорировать требования кота, но пушистый террорист забрался на стоящую рядом этажерку с книгами и секунду спустя спикировал оттуда мне на спину. Пришлось подчиниться.

– Знаешь, дружок, возможно, я ошибаюсь, – бурчала я, завернувшись в одеяло и направляясь кухню, – но, может быть, твои хозяева просто уехали, и тебя по понятным причинам не захотели взять с собой.

Вчера мы с Пиратом прибыли ко мне только поздним вечером. После того как я добралась до своей машины и поставила клетку с котом на переднее сиденье, выяснилось, что кто-то в забастовочной пробке тоже не выдержал, бросил автомобиль, перегородив мне выезд, и ушел куда-то по делам.

Я, проклиная все на свете, прождала больше часа, по-

сле чего вызвала эвакуатор. Когда тонированный внедорожник с заклеенными дверцами уже погрузили на платформу и эвакуатор медленно двинулся вдоль улицы, появился возмущенный владелец.

Я с некоторым злорадством посмотрела, как он бежит вслед за своей машиной, и выехала с парковочного места. Мужчина понял, что я виновата в эвакуации его авто, и забарабанил мне в окно. Пришлось остановиться и вежливо объяснить человеку, что так поступать нельзя. Это заняло еще несколько минут, после чего обиженный, извинившись и потирая бок, отправился вызывать такси, а я наконец села в машину.

Не доезжая до дома, пришлось притормозить у зоомагазина. Животному требовался корм и лоток.

Дома я поставила клетку в прихожей и открыла дверцу. Пират осторожно высунул голову и огляделся. Потом медленно вышел, потянул носом и двинулся осматривать свое временное жилище. Весь вечер, пока я готовила ужин и принимала ванну, он бродил по квартире, заглядывая во все доступные уголки, и только к ночи, когда я уже приготовилась ложиться спать, запрыгнул на мою кровать и вытянулся в ногах пушистым серо-белым валиком.

– Нет, нет, иди на кресло, – велела я, пытаюсь сдвинуть с места мурчащую тушку, но получила когтистой лапой по руке.

Пират твердо дал понять, что для ночлега облюбовал

именно мою постель, и я должна быть благодарна, что он предпочел изножье кровати, а не подушку, допустим.

Сейчас, насыпая в новенькую миску сухой корм той же марки, что и в доме Одинцовых, я недовольно глядела на животное, которое, похоже, обжилось и начало наводить свои порядки.

– Надеюсь, все быстро разрешится, и ты поедешь домой, – сказала я коту. – Если ты заметил, я даже рыбок не завожу, и комнатных растений у меня нет.

– Мр-р...

Поняв, что уснуть уже не удастся, я решила сварить себе кофе и посмотреть ленту новостей. Вчера дорожной забастовке в вечернем выпуске местной телекомпании посвятили только маленький невнятный ролик. Уже знакомый мне парень с мегафоном вымучил несколько зазубренных фраз касательно того, что компания «Тарасов-транс» считает конкурс, объявленный администрацией, незаконным фарсом и будет бороться за свои права. Каким образом, где, когда – непонятно. Но журналистка и не спрашивала. Оператор заснял автобусы с плакатами и то, как в эти автобусы начали заходить полицейские, после чего ролик закончился.

– Кто у вас там работает? – вздохнула я.

Журналисты не догадались даже заснять огромную пробку, вытянувшуюся вдоль домов. Видно, сильно спешили. Зато в кадр попала моя машина – как раз в тот момент, когда перед ней парковался внедорожник. Знакомый мне мужик

вышел из джипа, посмотрел на мой автомобиль, пару секунд подумал, после чего махнул рукой и быстро пошел прочь.

– Ах ты, гаденыш, – рассмеялась я.

Сегодня интернет-сайты уже пестрели громкими заголовками.

«Тарасов-транс» перекрыл проспект на три с половиной часа». «Забастовка перевозчиков парализовала город». «О чем они думали? – эксклюзивный репортаж из центра пробки».

Я открыла первую ссылку.

«Новогодние праздники – лучшее время в году. Думаем, вы с нами согласитесь. Но, оказывается, не всем хочется отмечать торжество в хорошем настроении. Сотрудники «Тарасов-транса» решили помешать горожанам вовремя добраться до своих домов и двумя автобусами наглухо перекрыли Савеловский проспект на три с половиной часа. Вместо того чтобы думать о предстоящем конкурсе перевозчиков, компания заботится о привлечении внимания властей и горожан. Что ж, привлекли. Две машины «Скорой помощи» застряли в пробке и едва не «потеряли» пациентов. Кто-то, встав в строю машин, не успел забрать ребенка из детского сада. Многие горожане, побросав автомобили, вынуждены были пешком добираться к местам назначения. Ситуация сложилась плачевная, но работники «Тарасов-транса», забившись в автобусы,

обвешанные плакатами и листовками, казалось, этого не замечали. В итоге в дело вмешались сотрудники полиции и препроводили весь коллектив фирмы, забившийся в автобусы, в СИЗО. Акция, разумеется, была не согласована с властями города. И в целом горожане не оценили подвига перевозчиков.

– У меня в машине больная мама, – жалуется одна автоледи, застрявшая в пробке. – Мы ехали на процедуры, которые пропускать ни в коем случае нельзя. Пришлось бросить машину и пешком пойти на другую улицу, а оттуда вызвать такси. Безобразие! У мамы больные ноги, и ей очень тяжело было даже выйти из машины, не говоря о том, чтобы пройти больше ста метров. Надеюсь, им не достанется ни одного маршрута в городе после этой выходки!

Семья с маленькими детьми из минивэна в правом ряду тоже негодует. Отец просто в ярости:

– Это форменное скотство! Мы стоим в пробке с двумя пятилетними малышами довольно далеко от начала пробки. Даже не поняли сперва, что произошло и почему никто никуда не двигается. Дети извелись. Спустя сорок минут жене пришлось отправиться с ними домой пешком. На что рассчитывали эти забастовщики? Кто примет их сторону после такого безобразия?

Остается только недоумевать, как можно было пойти на такой опрометчивый шаг в преддверии городской реформы транспорта. Компанию пока не исключили из конкурса, но предпосылки для этого

определенно появились».

Я обратила внимание, что текст написан довольно предвзято и эмоционально. Интернет-издание, опубликовавшее его, называлось «Голос Тарасова». Я напрягла память. Пару месяцев назад мне для выполнения одного заказа потребовалась помощь СМИ, и судьба свела меня с главным редактором тарасовского делового журнала «Итоги». Как-то за обедом он коротко ввел меня в курс дела относительно владельцев местных новостных пабликов и изданий. Правда, я уже толком не помнила, что к чему, но кому нужно позвонить, сообразила.

– Гарик? – бодро поздоровалась я, когда главред «Итогов» Гарик Сагателян взял трубку.

В ответ послышалось что-то невнятное.

– Гарик, – настойчивее продолжила я, – ты тут?

– Тут, – выдавил Гарик сонным голосом.

Я спохватилась – время еще явно было не деловое:

– Прости, пожалуйста, я совсем забыла, что рано!

– Татьяна, я всегда тебе рад, – послышалось в ответ. Гарик с наслаждением зевнул. – Что-то срочное?

– Я хотела только спросить – не подскажешь, кто у нас стоит за «Голосом Тарасова»?

– Эта интернет-помойка? Творение Ярослава Буданова, конечно.

– Помойка?

– Я же тебе рассказывал. Лет десять назад этот новостной

сайт создал журналист Ярослав Буданов, которого повыгоняли из всех приличных СМИ за неадекватные материалы и чересчур пристрастное отношение к описываемым событиям.

– Это как?

– Да он чуть не матерился в прямом эфире, когда работал на телевидении. Вел себя по-хамски. Не ценил репортерской этики. Возомнил себя, понимаешь, правдуробом и единственным Воином света. В итоге нагадил всем: иски на СМИ, где он работал, лились рекой. Рекламодатели и мэрия были недовольны. Ну и, понятное дело, с ним постепенно перестали сотрудничать. Ярик долго пытался изображать из себя жертву кровавого режима, но в итоге создал свой сайт и начал работать на ниве горячих новостей. Похоже, этот болван так и не понял, что дело не в его гражданской позиции, а в том, что он попросту непрофессионал. Никто из вменяемых журналистов с ним не работает, но горожанам его статейки нравятся. Внутренней кухни они не знают, а жареные скандальчики любят.

– Ясно.

– А тебе эти сведения зачем?

– Я сейчас статью читаю про вчерашнюю автобусную забастовку, и написана она, мягко говоря, с большим пристрастием.

Гарик засмеялся:

– Ты про забастовку «Тарасов-транса»? Ну, а чего ты хо-

тела? Буданов Одинцова ненавидит.

Я уселась поудобнее.

– Рассказывай.

– Господи, ты на Луне, что ли, живешь? Олег Юрьевич опозорил этого гаврика в прямом эфире. Буданов года три назад интервью взялся делать для аналитической передачи городского телеканала, но не по Сеньке шапка оказалась. Этот идиот кривлялся, задавал глупые вопросы, ну, Одинцов ему так и заявил – отвечать, мол, вам не буду. Вы хам и бездарь. Буданов стушевался и толком не нашел что ответить. В эфире по-быстрому пустили рекламу, а когда снова показали студию, Одинцова в ней уже не было. Буданов кое-как завершил трансляцию, краснея и заикаясь. Думаю, за кадром он много чего выслушал и от Одинцова, и от главы телеканала. Короче, из телика его вскоре поперли, и, насколько я знаю, он до сих пор винит владельца «Тарасов-транса» за убитую карьеру. Ярик же мечтал реализовываться именно на телевидении, а вынужден был уйти. Вот такие пироги.

Я присвистнула:

– Ничего себе, страсти по-итальянски! Спасибо, милый друг, за ценные сведения.

– Да не за что, рад помочь. Ты под Буданова, что ли, копаешь?

– Да нет, – уклончиво ответила я, – просто вся эта ситуация вокруг реформы городского транспорта меня сильно интересует.

Гарик помялся.

– Не знаю, насколько тебе поможет, – наконец сказал он, и я замерла в предвкушении полезной информации, – но ходит слух, дескать, в окружении Одинцова есть засланный казачок.

– Что ты имеешь в виду?

– Поговаривают, что у Одинцова все идет прахом, потому что кто-то сливает на сторону информацию о внутренних делах в его компании.

Пират прыгнул на стол и прошелся, помахивая пушистым хвостом у меня под носом. Я попыталась столкнуть его на пол, но он уперся лапами и зацепился когтями за столешницу.

– Сволочь!

– Конечно, сволочь, – отозвался Гарик, думая, что я имею в виду шпиона в «Тарасов-трансе». – Кто это, непонятно. Но судя по тому, что Одинцов предпринял ряд попыток сохранить бизнес и репутацию, которые ни к чему не привели или потерпели фиаско, вывод один: кто-то работает изнутри.

Голос Гарика уже не был сильным. Он окончательно проснулся и теперь с жаром настоящего журналиста рассказывал мне о событиях в «Тарасов-трансе».

– Противники опережают его на полшага. Два месяца назад, к примеру, Одинцов готовился выступить на телевидении. Интервью было рекламным, он планировал рассказать о высокой компетенции своих сотрудников и отличном тех-

ническом состоянии автопарка. Так вот, за полчаса до пресс-конференции его автобус сбивает фонарный столб вместе с остановкой в центре города.

– Помню этот случай, – вставила я.

– Сама понимаешь, удар по репутации. Интервью при этом не отменили. Свои же люди Одинцова не поставили в известность – он уже находился в телестудии и готовился к эфиру. В общем, выходит интервью и, разумеется, на фоне новостей о разбитой остановке выглядит печально.

– А почему сотрудники его не предупредили?

– Этого никто не знает. В «Тарасов-трансе» потом последовали какие-то увольнения, но ситуацию они, конечно, не исправили.

Я погладила кота по загривку. Он спрыгнул наконец со стола и перебрался ко мне на колени.

– Или вот еще случай, – продолжал Гарик громко. Я услышала, как на фоне жена попросила его не орать и выйти из комнаты. В трубке хлопнула дверь, и голос моего собеседника стал чуть сдержаннее. – Перед Новым годом Одинцов планировал уволить одного сотрудника из финансового отдела. За что – не знаю, не вникал. Видно, за дело. Но в СМИ и интернете разгорелся скандал: сотрудник, узнав о предстоящем увольнении, срочно дал интервью – кстати, тому же «Голосу Тарасова». Мужик оказался болен онкологией, он отец-одиночка и вообще. Одинцова выставили монстром, которому плевать на людей. Естественно, в «Тарасов-трансе» от-

казались от идеи его уволить, чтобы не вызвать еще большего негатива в свою сторону – по крайней мере, до окончания конкурса и реформы транспортной системы. Но так, для справки – видел я этого сотрудника в одном местном ресторане пару недель назад. Тот отдыхал в шумной и веселой компании, налегал на спиртное, ржал как конь и вообще выглядел вполне здоровым. А ребенок его, как выяснилось, живет с бабушкой в Москве уже два года.

– Хорошенькая история.

– Да. Одинцову планомерно перекрывают кислород, подрывают репутацию. Поэтому он нервничает, и, очевидно, результатом этого мандража становятся такие дурацкие ходы, как эта забастовка. Совершенно ненужное действие.

– Согласна.

Мы с Гариком поговорили еще минут пять, после чего я попрощалась и некоторое время изучала статьи в сети, посвященные вчерашним событиям. Материалы других изданий были написаны сдержанно и профессионально, но все они сходились в негативной оценке того, что было устроено компанией «Тарасов-транс» на одном из центральных проспектов города.

– М-да, – задумчиво произнесла я, потрепав Пирата по загривку, – с твоим хозяином происходит что-то непонятное.

– Мяр-р, мяу, – сказал кот.

Я потянулась. Темное зимнее утро за окном навевало мысли о том, чтобы вернуться в постель и поспать еще па-

ру часиков. Но на душе свербело – разве можно валяться в кровати, когда кто-то, совершенно очевидно, нуждается в помощи.

Я отправилась в душ и долго стояла, пытаюсь смыть недо-сып, под струями горячей воды. Между тем мысли мои бы-ли целиком заняты добытыми сведениями. Итак, забастов-ка показалась нелепой выходкой не только мне. Мог ли дальновидный человек и расчетливый бизнесмен, создав-ший успешную компанию, пойти на столь опрометчивый шаг? Не мог. Но тем не менее заместители и сотрудники фирмы уверяют, что действовали по инициативе главы ком-пании, который связывался с ними по телефону.

Закономерный вывод – писать с телефона Одинцова мог кто угодно. Перекрытие центра города – это глупая акция, которая ударит только по «Тарасов-трансу». Не понимать этого он не мог.

То есть, скорее всего, забастовка организована руками противников Одинцова с целью окончательно подорвать его репутацию и выбить компанию из конкурентной борьбы.

Выйдя из душа, я посмотрела на часы. До встречи с со-трудником Антимонопольной службы оставалось несколько часов.

* * *

Кафе «Кебаб» было «своей» достопримечательностью, о

которой туристам не рассказывали. С виду оно представляло собой невзрачный павильон – один из многих в длинном, грязноватом палаточном ряду у рынка. Справа его подпирала крытая автобусная остановка, слева – мастерская по ремонту обуви. Внутреннее убранство «Кебаба» искусственно гурману могло показаться даже оскорбительным: деревянные, грубо сколоченные столы с длинными скамейками по бокам, салфетки в пластиковых стаканчиках, на широкой барной стойке – железное ведерко, ощерившееся вилками и ножами. Еду в «Кебабе» подавали на картонных одно-разовых тарелочках, освещение тусклое, окна, выходившие на проезжую часть, были захватанными, и в них каждую минуту маячили спины пассажиров, ожидающих на остановке свой автобус.

А вот готовили здесь божественно. Уже с порога тебя окутывал густой аппетитный запах жаренного на углях мяса и аромат свежеспеченных румяных лепешек, так что желудок сводило голодным спазмом. Огромные блюда с чебуреками, самсой, хачапури и прочими радостями кавказской кухни стояли на раздаче у барной стойки, бережно накрытые полотенцами. За спиной молчаливого бармена-раздатчика маячило окошко кухни, где метались в чаду и дыму повара в заляпанных фартуках.

Войдя, я тут же увидела в дальнем углу человека в красной куртке. В павильоне было холодно, и он только расстегнул верхнюю одежду, но снимать не стал. В это время дня

тут было немногочисленно – основной контингент подтянется к вечеру, а более гламурные посетители предпочитали брать еду навынос.

Я подошла к столику, и мужчина поднял голову.

– Татьяна?

– Да.

– Присаживайтесь. Что-то закажете?

На столе стояла тарелка с шашлыком и овощной нарезкой, а также пластиковый стакан с остывшим кофе.

Мне тут же захотелось есть, но я ответила:

– Нет, спасибо. Не хочу вас надолго задерживать разговором.

– Тогда давайте приступим к допросу, – сказал он без улыбки и протянул мне большую медвежью ладонь: – Алексей.

Я пожала собеседнику руку и села напротив, разматывая шарф. Алексей огляделся. Сбоку от нас за соседним столиком сидел невзрачный субъект и цедил пиво из пузатой кружки. Я поежилась – в такую холодину, да еще белым днем!

– Очень приятно.

– Зря вы отказываетесь – мясо и выпечка тут вкуснейшие.

– Знаю, – ответила я, – всегда беру тут хачапури, если проезжаю мимо. Просто недавно пообедала, поэтому ничего не хочу.

– Так что вы хотели узнать? – спросил Алексей, почесав

большой нос мясистым пальцем.

Я заметила, что все у него в два раза больше, чем у обычного среднестатистического человека. Рубашка в шотландскую клетку, которая виднелась под курткой, была буквально распята на его животе, и пуговицы на ней с трудом цеплялись одна за другую.

– Владимир Сергеевич сказал вам, что я интересуюсь ситуацией вокруг компании «Тарасов-транс»?

– Да. Но мне кажется, он и сам не понимает, зачем вам это нужно. – Алексей громко чихнул в рукав куртки. – Может, объясните?

Я вздохнула. Терпеть не могу ненужных объяснений.

– В данный момент я работаю над одним делом, которое напрямую касается компании Олега Одинцова.

– Работаете в качестве кого?

– В качестве частного детектива.

Мой собеседник громко фыркнул и оглянулся. Мужик с пивом лениво посмотрел в нашу сторону, но тут же склонился над своей кружкой.

– Вы из американского фильма к нам прибыли?

Я опять вздохнула. Сколько раз в своей жизни я слышала подобные подколки?

– Частный детектив – обычная практика, лицензируемая и повсеместно применяемая в нашей стране. Я не храню дробовик на заднем сиденье своего «Мустанга» и у меня нет чернокожего напарника. Но я могу показать удостоверение.

Мужчина расхохотался. Глаза его покраснели.

– Да не обижайтесь вы. Володька мне про вас рассказывал.

Просто трудно поверить в то... – Он замялся.

– В то, что девушка может выполнять эту работу, и выполнять хорошо, – закончила я за него.

– Без обид. Я не хотел показаться рабом стереотипов, но в них есть доля здравого смысла.

Я откинулась к стенке и критически оглядела Алексея-из-Антимонопольной-службы. Он раскрыл руки, словно приглашая меня проанализировать себя.

Через минуту я сказала:

– Вы недавно развелись, хотя, судя по всему, были верным мужем своей жене. У вас двое детей, и они остались с женой. Думаю, причина в том, что вы злоупотребляли алкоголем. Теперь вы завязали и пытаетесь наладить отношения с женой. Но, судя по всему, получается пока не очень. Вы долго состояли в браке и сильно поправились именно во время семейной жизни. А еще у вас, скорее всего, сильная аллергия на кошек.

Алексей явно опешил и сердито зыркнул на меня круглым, как у совы, глазом:

– Ну, допустим. Но Кирьянов мог вам все это рассказать.

– Он не рассказывал. И я могу обосновать каждый из своих выводов.

– Валяйте.

– С разводом просто, – начала я, – след от обручального

кольца. Слишком четкий, но уже без красной окантовки по краям. Сняли недели две-три назад. Полностью такой след сойдет через полгода, а то и больше. Судя по пояску от кольца, оно сильно сжимало вам палец. Значит, когда вы его надели, были значительно хуже и сильно поправились с годами. Вижу небольшой кровоподтек у сустава. Стаскивали вы кольцо с трудом. Значит, в течение жизни не снимали. Если регулярно снимать и надевать обручальное кольцо, как делают ловеласы и бабники, оно не оставляет такой глубокой борозды. Думаю, вы не изменяли жене. И причиной развода, скорее всего, стал алкоголь. Вы пожали мне руку, и я уловила легкий тремор. А еще мне приходилось иметь дело с алкоголиками, поэтому я знаю, как они себя ведут. Мужик за соседним столом пьет пиво, и вы пожираете его бокал глазами с того момента, как я вошла. Сглатываете слюну, но хмуритесь и отворачиваетесь. Раздражены. Синдром отмены – вы бросили пить и совсем недавно. Очевидно, решив, что трезвый образ жизни вернет вам жену. Но она не идет вам навстречу.

– С чего вы взяли?

– С того, что кольцо вы не надели обратно. А еще с того, что ни одна женщина, решившаяся на развод, не передумает спустя месяц. У вас впереди долгий испытательный срок без всякой гарантии.

– А как вы поняли, что детей двое?

– На тыльной стороне ладони две татуировки с датами.

Сентиментальная метка. Свойственна, между прочим, брутальным индивидам. Судя по всему, вашим детям, – я перегнулась, повернула его руку к себе и присмотрелась, – пять и восемь лет. И живут они, естественно, у матери – отцам в нашем государстве присуждают опеку очень редко.

– Но аллергия на кошек?

– Вы чихнули, чешетесь, и у вас покраснели глаза. Других признаков простуды я не вижу, а по симптомам похоже на аллергию. Сейчас зима, ничего не цветет, так что это не аллергия на пыльцу. На еду тоже вряд ли – вы бы не стали есть за обедом продукты, которые содержат опасные для вас аллергены. Скорее всего, это реакция на кошачью шерсть – я недавно брала на руки пушистого кота.

Алексей хмуро посмотрел на меня, потом улыбнулся и поднял руки кверху:

– Сдаюсь, мисс Марпл!

– Давайте к делу.

– Что вас интересует?

– Все просто – в чем суть конфликта и какие игры ведутся против Одинцова.

Мужчина отставил тарелку в сторону и сцепил ладони, положив их на стол перед собой.

– Вы понимаете, что я буду говорить не под запись?

– Я не журналист.

– Ладно. – Он еще раз чихнул и вытер защищавший нос.

Я чуть отодвинулась. – Олег Одинцов стоял у истоков транс-

портной системы города. Он начинал этот бизнес много лет назад. Тогда в городе ползали убитые советские троллейбусы, а еще «Икарусы», которые заводились как механические стиральные машины, и трамваи, которым требовалось больше полутора часов, чтобы проехать из одного конца города в другой. Не знаю, помните ли вы те времена, но народ на остановках стоял по полчаса, ожидая возможности уехать. Потом подъезжал автобус или троллейбус, и пассажиры набивались в него так, что не могли дышать. Не дай бог оказаться в середине салона – пробираться к выходу надо было за три километра. В общем, жуткая ситуация складывалась, но надо сказать, что никто об этом не задумывался, пока Одинцов не вошел на рынок. Частных перевозчиков тогда почти не было, а те, что имелись, строили свой бизнес на первых маршрутках. Олег Юрьевич начинал свой бизнес с нескольких автобусов – перегнал их из Германии, где купил списанными. Крепкие хорошие машины, которые только чуть-чуть подремонтировать надо было. Начал перевозки. Людям понравилось ездить в цивилизованном транспорте, потому что автобусы были хоть и потасканные, но удобные. Одинцов медленно окучивал мэрию. Сначала у него было только три рейса. Потом он начал прокладывать новые маршруты. Ему позволяли, потому что он делал их длинными, охватывающими дальние уголки города и близлежащие поселки, куда ходил только рейсовый областной транспорт. Толп на остановках стало меньше. Власти города сказали спасибо. Одинцов

грамотно выстраивал свою систему – маршруты пересекались только на крупных узлах, где нужно было каждые пятнадцать минут разгружать пассажирский поток, и охватывали весь город. Его сеть расширялась. Одинцов изучал трафик, устраивал опросы, выявляя самые популярные направления и места, требовавшие внедрения транспорта. Иногда маршрут даже меняли по просьбам жителей.

– Удивительно здравый подход, – вставила я.

– Именно. Ведь у городского транспорта до сих пор какой принцип? Охватить главные улицы и прилегающие к ним крупные проезды. Крупный узел – в центре, отсюда транспорт разъезжается во все концы. Но если тебе надо добраться из одного района в соседний, чаще всего это сделать одним махом не получится – только с пересадкой в центре. Логика у властей железная – каждый район по факту доступен. А то, что народ добирается, куда ему нужно, с пересадками и это неудобно, никого не волнует. Одинцова первым заволновало. Он ювелирно выстраивал сеть, пока был монополистом частных перевозок. Но потом, глядя, как он гребет деньги лопатой, пришли другие солидные дяди и попросили подвинуться. Им было невдомек, что деньги Одинцов гребет не потому, что резвится в одиночку, как лиса в курятнике, а потому, что с умом подходит к своему бизнесу. Словом, на рынке появились другие перевозчики. Они начали вводить свои маршруты, но многие из них дублировали уже имеющиеся. Кто-то пытался строить новую сетку, чтобы не пересекаться

с голубыми автобусами «Тарасов-транса», но делали они это по наитию, а не по науке. Их рейсы часто оказывались убыточными. Игроки уходили, приходили новые. Одинцов по-прежнему был лидером частных перевозок. Но из-за дурачков, пытающихся влезть на рынок, чтобы урвать кусок автобусного пирога, транспорта в городе стало так много, что это стало мешать. Пробки, суета, скандалы. Автобус одного перевозчика подъезжает к остановке, забирает пассажиров, следом подъезжает транспорт другой компании, едущий по тому же примерно маршруту, и ему уже ничего не достается. Дело доходило даже до мордобоя.

– Понятно. Поэтому схему движения транспорта и решено было реформировать? – Все, о чем рассказывал Алексей, было мне неизвестно. Я давний и заядлый автомобилист, поэтому проблемы городского транспорта стали для меня откровением.

– Да. Нужно было сократить число маршрутов и оптимизировать сеть. Тут и начались грязные подковерные игры. Все понимали, что Одинцов, совместно с которым мэрия разрабатывала и утверждала новую систему, заберет себе все самые денежные маршруты. Отмечу, что это было бы правильным решением. Олег давно в бизнесе городских перевозок и подходит к нему профессионально. Остальные игроки – не более чем любители, жадные до бабла. Но такое положение многих не устраивало. В основном – конкурентов.

– Много их?

– Было много. Но на данный момент основной конкурент один. Исаев Денис Валерьевич, глава транспортной компании «Спутник». На рынке около пяти лет. Очень жаждет продвинуть Одинцова.

– А куда остальные делись?

Алексей развел руками:

– Не выдержали конкуренции. Есть несколько ипэшников, которые специализируются на маршрутках. И есть те, кто хотят зайти на рынок. Но этим ничего не светит, поскольку правила конкурсного отбора достаточно жесткие, начиная с хорошо укомплектованного автопарка и заканчивая компетенцией персонала. Рынок перевозок трудозатратный, особенно в условиях города с развитой транспортной системой. Поставить его на ноги тяжело, влезть, расталкивая всех локтями, практически невозможно.

– Есть же еще вроде муниципальный перевозчик.

– Конечно, есть. Но в его парке в основном медленный транспорт – троллейбусы, трамваи. При этом мало автобусов и совсем нет маршруток. Конкурировать с Одинцовым и Исаевым им не под силу. Но они и не стремятся. Городу есть куда потратить бюджет. Им главное, чтобы частные перевозчики покрывали Тарасов плотной сетью и не осталось в ближайшей округе мест, не охваченных транспортной доступностью. Деньги с перевозчиков городские власти все равно имеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.